

Bozhovich, L. I. Otnoshenie shkol'nikov k ucheniju kak psihologicheskaja problema / L. I. Bozhovich // Psihologija v vuze. — 2008. — № 5. — S. 6—35.

3. *Божович, Л. И.* Этапы формирования личности в онтогенезе (I — III) / Л. И. Божович // Личность и ее формирование в детском возрасте. — СПб., 2008. — С. 312—376. — (Мастера психологии).

Bozhovich, L. I. Jetapy formirovanija lichnosti v ontogeneze (I — III) / L. I. Bozhovich // Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste. — SPb., 2008. — S. 312—376. — (Mastera psihologii).

4. *Иванников, В. А.* Психологические механизмы волевой регуляции / В. А. Иванников. — М., 1991.

Ivannikov, V. A. Psihologicheskie mehanizmy volevoj reguljaccii / V. A. Ivannikov. — M., 1991.

5. *Толстых, Н. Н.* Хронотоп: культура и онтогенез / Н. Н. Толстых. — Смоленск ; М., 2010. — 292 с.

Tolstyh, N. N. Hronotop: kul'tura i ontogenez / N. N. Tolstyh. — Smolensk ; M., 2010. — 292 s.

6. *Bilde, J.* De Understanding the association between future time perspective and self-regulated learning through the lens of self-determination theory / J. De Bilde, M. Vansteenkiste, W. Lens // Learning and Instruction. — 2011. — Vol. 21. — P. 332—344.

7. *Deci, E. L.* The psychology of self-determination / E. L. Deci. — Toronto : Lexington books, 1980.

8. *Deci, E. L.* Intrinsic motivation and self-determination in human behavior / E. L. Deci, R. M. Ryan. — N. Y. : Plenum, 1985.

9. *Deci, E. L.* Human autonomy : The basis for true self-esteem / E. L. Deci, R. M. Ryan, P. E. Grolnic // Efficacy, agency, and self-esteem / ed. by M. Kemis. — N. Y., 1995. — P. 31—49.

10. Maladaptive perfectionistic self-representations : The mediational link between psychological control and adjustment / B. Soenens [et al.] // Personality and Individual Differences. — 2005. — Vol. 38. — P. 487—498.

11. *Ryan, R. M.* Agency and organization: intrinsic motivation, autonomy, and the self in psychological development / R. M. Ryan // Nebraska symposium on motivation : Developmental perspectives on motivation / ed. by J. Jacobi. — Linkoln, Ne, 1993. — Vol. 40. — P. 1—56.

12. *Ryan, R. M.* Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development and well-being / R. M. Ryan, E. L. Deci // American psychologist. — 2000. — Vol. 55, № 1. — P. 68—78.

13. The role of self-determined motivation and goals for study abroad in the adaptation of international students / V. Chirkov [et al.] // International Journal of Intercultural Relations. — 2007. — Vol. 31. — P. 199—222.

14. *Wormington, S. V.* A person-centered investigation of academic motivation and its correlates in high school / S. V. Wormington, C. J. Henderlong, K. G. Anderson // Learning and Individual Differences. — 2012. — Vol. 22. — P. 429—438.

Механизмы и структурные компоненты процесса осмысления и познания человеком действительности

В. Д. Шадриков

Мысль, образ и психическая функция¹

В работе показывается внутренняя связь между мыслью, образом и словом. Раскрывается роль психических функций в порождении мыслей, устанавливается активная роль наблюдателя в формировании мыслей, раскрывается структура мысли и образа, показывается, что процесс мышления есть процесс порождения мыслей и использования их при решении задач, стоящих перед субъектом. Сказанное позволяет дать содержательную характеристику ума, которая заключается в способности порождать мысли, тем самым открываются новые пути диагностики ума и интеллекта человека.

Ключевые слова: психологическая функция, мысль, образ, субстанция, мышление, ум, слово.

Образ для психологии — традиционный предмет изучения. Образ включает в себя форму и содержание. Главное внимание в психологии уделяется образу-форме. В русском языке образ больше связан с содержанием, с прообразом, который отражается в образе. Именно с содержанием связаны глаголы «образовать», «преобразить» и *образование как процесс образования ума*,

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-06-00132.

знания и нравов. Образ как внешний вид предмета и образ как содержание, образ мыслей и по образу и подобию Божию.

Всеохватывающие Брокгауз и Эфрон обходят образ молчанием. С. И. Ожегов определяет образ как вид, облик, живое, наглядное представление о ком-, чем-нибудь. В литературе, искусстве образ — обобщенное художественное отражение действительности, облеченное в форму конкретного, индивидуального явления.

Наиболее полно характеристика образа дается в Большом психологическом словаре. Здесь образ определяется как «чувственная форма психического явления, имеющая в идеальном плане пространственную ориентацию и временную динамику» [4. С. 342].

По своему содержанию образ может быть как чувственным, так и рациональным. Образ выступает ориентировочной основой деятельности, в роли цели направляет активность субъекта.

Содержание образа может изменяться, преобразовываться. Объем содержания образа может быть различным. Различают образы: восприятия, представления, воображения.

Исходным материалом для построения образа являются ощущения, которые «выполняют сразу две функции; они являются:

- 1) языком, на котором описывается окружающая среда (характеристики объектов);
- 2) отражением отдельных свойств (признаков) объектов (цвета, температуры, гладкость — шероховатость и пр.)» [8. С. 248—249].

К сожалению, пишет В. А. Иванников, «до сих пор многими не понимается двойственная природа ощущений: быть языком, за который отвечает каждый анализатор (орган чувств и ответствующие отделы мозга), и описанием на этом языке внешних воздействий» [Там же. С. 249].

Мы бы продолжили мысль В. А. Иванникова и в соответствии с нашим определением мысли сказали бы, что ощущения поставляют материал для мыслей. Будучи опредмеченными, т. е. связанными с предметами, породившими ощущения, данные ощущения, касающиеся отдельных свойств этих предметов, превращаются в *мысли* о предметах, являющиеся функциональными характеристиками предметов.

Очень важно, что В. А. Иванников уже на уровне ощущений выделяет в них эмоциональную и ориентировочную составляющие.

Главное качество образов — их предметность. Говоря о предметности восприятия, мы должны, прежде всего, выделить функциональное назначение образов. *Образ формируется в целях познания либо в практическом значении.* Между этими функциональными характеристиками образа существует взаимосвязь. Когда мы формируем образ предмета в познавательном плане, мы, прежде всего, должны выделить предмет из ситуации (отделить от других предметов). Здесь на первый план выходят внешние характеристики вещи. *В процессе познания мы устанавливаем:*

- единичность и уникальность вещи;
- связь вещи с другими вещами;
- функциональное значение вещи;
- возможности ее использования на практике;
- способы обнаружения свойств вещи и ее отношений с другими вещами.

Познание вещи тесно связано с ее пониманием. Отражение вещи в окружающем мире — это познание, но отражение вещи как отличной от других вещей окружающего мира — это и понимание ее отдельности, ее отличия от других.

Приобретение знаний об отношениях вещей — это и понимание, что вещи могут воздействовать друг на друга. Приобретение знаний о свойствах вещи — это и понимание их ценности, значения, смысла, функциональной ценности.

Сказанное относится к пониманию того, что есть вещь. Но существует и следующий уровень понимания — выяснения того, почему вещь такая:

- почему она отличается от других;
- почему обладает именно этими свойствами;
- почему именно так соотносится с другими вещами;
- почему именно так можно обнаружить ее свойства и отношения.

Процесс этот получил название *интеллектуализации* образа вещи. Здесь мы отметим только факт интеллектуализации образа, к более подробному рассмотрению этого процесса вернемся позднее.

Оставим пока в покое и вопрос о представленности в образе реального объекта, который находится вне человека. Этот вопрос детально рассмотрен Л. М. Веккером.

Вернемся к проблеме функциональной значимости образа. Первым этапом данной проблемы является выделение предмета восприятия из ситуации, в которой он находится. Это выделение может осуществляться на двух уровнях:

- внешнего описания предмета-образа;
- содержательного наполнения внешнего образа конкретными качествами, имеющими функциональное значение. Отметим, что в ряде случаев функциональное значение приобретают и внешние признаки.

Психологические исследования показали, что образ не фотография и ведущая роль в построении образа играет *познавательная активность* субъекта. В отечественной психологии эти исследования были начаты А. Л. Ярбусом [19]. Исследования показали, что любое изображение содержит различные элементы: «...на одних глаз задерживается особенно долго, на других мало и, наконец, на некоторых задерживается очень мало или вовсе не обращает на них внимание... Анализ записей движений глаз показывает, что элементы, привлекающие внимание, содержат или могут, по мнению наблюдателя, содержать сведения полезные и нужные в момент восприятия. Элементы, на которых глаз не останавливается, таких сведений не содержат или, по мнению наблюдателя, содержать не могут» [Там же. С. 125]. Отметим, что Ярбус пишет: «...содержат сведения *полезные* и *нужные* в момент восприятия». Это указывает на то, что *наблюдатель является субъектом восприятия* и он организует свое восприятие, оценивая те или иные элементы воспринимаемого предмета. Восприятие идет под регулирующим влиянием задач, стоящих перед субъектом. И образ выступает не как сумма ощущений, а *образ строится субъектом восприятия*, из предмета восприятия «вычерпываются» свойства, оцениваемые субъектом восприятия как значимые.

Таким образом, если ранее мы отмечали, что существуют нейрофизиологические механизмы выделения отдельных признаков-мыслей, то теперь мы можем говорить о *субъектной регуляции построения образа в процессе восприятия*. Как пишет В. А. Барабанщиков, «восприятие — это непрекращающаяся связь индивида со средой, человека с миром, в рамках которой среда, мир непосредственно открываются человеку и оказываются доступными ему» [3. С. 5]. Барабанщиков рассматривает восприятие как событие, а это значит, по мнению автора, «участвовать в процессах жизни: родиться и умирать, переходить из одной формы в другую, влиять на смежные процессы и испытывать их влияние на себе» [Там же].

Отметим, что в этом жизненном процессе восприятие порождает не только образы отдельных предметов, но и образы целых ситуаций. Именно как образ, события и ситуации могут сохраниться в памяти. Анализируя совокупность факторов, связанных с ЭРМ, Х. Дельгадо [6] делает очень важный вывод о том, что эти данные позволяют полагать, что нейроны содержат полную запись прошлых событий, включая зрительную, слуховую, проприоцептивную и т. д., т. е. всю сенсорную информацию. Сохраняют также эмоциональное звучание событий. При раздражении височных долей участники эксперимента слышали звуки музыки, они узнавали конкретный мотив, различали отдельные инструменты и слова песни. Весь процесс разворачивался во времени, сопровождался эмоциональными переживаниями.

Посмотрим теперь на процесс порождения и структуру мысли с позиции *психической функции*.

В чем назначение психических функций?

Психические функции конкретизируют общую задачу психики — обеспечивать выживание человека, выполняя специализированные функции психики. Психика обеспечивает деятельность, реализуя эту задачу через отдельные психические функции. Выполняя отдельные задачи, психические функции работают в системе целостной психической деятельности и в силу этого взаимосвязаны.

В общем виде, как отмечает В. М. Гордон, «понятие функции используется для определения направленного, избирательного воздействия, на основе которого устанавливаются связи между объектами, явлениями, их частями и свойствами» [4. С. 586]. Именно установление связи между объектами, их частями и свойствами в контексте рассматриваемой проблемы нам представляется наиболее важным в определении психических функций. Но как мы определили ранее [17], именно эта связь вещи и ее свойства и выступает как элементарная предметная мысль. *Мысль выступает как продукт психической функции*.

Как отмечает В. Н. Мясищев, функция реализуется в процессе, нельзя разделять процесс и функцию. Поэтому психофизиологические функции рассматриваются вместе с процессами восприятия. *Психические функции выступают как отдельные стороны психической деятельности* (восприятие, память, волевая регуляция и т. п.). С этой точки зрения отдельные *психические функции выступают как научные абстракции*. «Реальным основанием для такой абстракции является то, что каждая функция, будучи одним из компонентов сложной психической деятельности, может в особых условиях становиться центральным звеном процесса психической деятельности. Так, в каждом процессе нашей деятельности участвует восприятие, воспоминание, внимание, мышление и т. п. Но естественно или искусственно могут быть созданы такие условия, когда основным является процесс восприятия, внимания и т. п. Понятие психических функций, аналитически раздробляющих психическую целостность процесса, является неизбежным следствием необходимости расчленять в процессе познания сложное целое на компоненты [11]. В понятие «психические функции» органически входит позитивное представление о мозговых механизмах, реализующих Ψ -функцию.

В. Н. Мясищев подчеркивает, что функции нельзя понимать вне отношений человека. В связи с этим на реализацию Ψ -функции и ее результат влияют мотивация, нравственность, переживания человека. Большое влияние на Ψ -функцию оказывает сознательная воля человека, ценности, которые стали жизненными целями человека. В качестве примера движущей силы поведения В. Н. Мясищев приводит слова Анны Карениной: «Вы говорите энергия. Энергия основана на любви. А любовь неоткуда взять. Приказать нельзя».

Без обращения к эмоциям и воле, отмечает Мясищев, невозможно понять психические функции восприятия, внимания, памяти, фантазии, мышления.

Рассматривая процесс восприятия, Мясищев отмечает его осмысленность. «Эта осмысленность означает не только связь отдельных объективных компонентов восприятия, но и *субъективную значимость* содержания восприятия для воспринимающего» (курсив наш. — В. Ш.). И далее: «Субъективное — это отчасти то, что *привносится* субъектом, но отсутствует в воспринимаемом объекте» [11]. Это очень важное положение. *Мысль всегда субъективна в отличие от информации.*

Большой интерес для понимания структуры мыслей представляют взгляды Б. Г. Ананьева на комплексный механизм психических функций.

Согласно его схеме развитие психических свойств проявляется как развитие *функциональных, операционных, мотивационных механизмов*. Функциональные механизмы на раннем этапе возникновения реализуют филогенетическую программу и складываются задолго до возникновения операционных механизмов. Между функциональными и операционными механизмами существуют сложные взаимодействия. Для развития операционных механизмов требуется определенный уровень функционального развития. В свою очередь, развитие операционных механизмов переводит в новую фазу развития и функциональные механизмы, их возможности прогрессивно возрастают, повышается уровень системности. В некоторые периоды индивидуального развития, к которым, как можно полагать, относятся школьный возраст, юность и зрелость человека, между операционными и функциональными механизмами устанавливаются соразмерность, относительное взаимодействие.

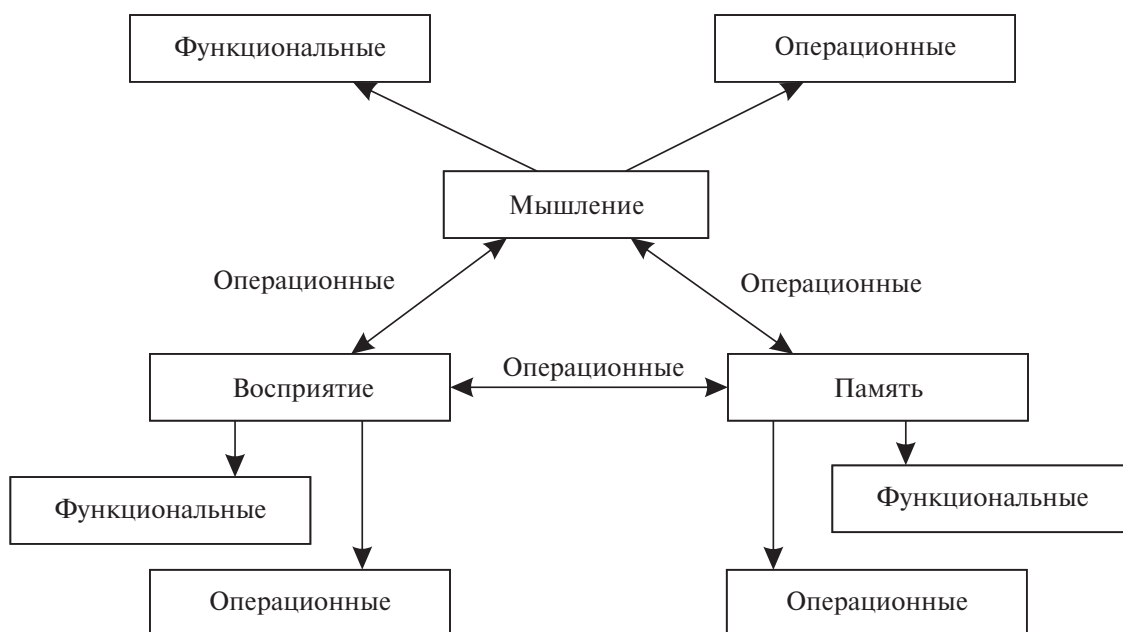
В концепции механизма психических функций, разработанной Б. Г. Ананьевым, сделана попытка решить проблему соотношения биологических и социальных основ психической деятельности. Функциональные механизмы «детерминированы онтогенетической эволюцией и природной организацией человеческого индивида... Операционные механизмы не держатся в самом мозге — субстрате сознания, они усваиваются индивидом в процессе воспитания, образования, в общей его социализации и носят конкретно-исторический характер» [1. С. 207]. *Функциональные механизмы относятся к характеристикам человека как индивида, операционные — к характеристикам человека как субъекта деятельности, мотивационные — к характеристикам человека как индивида и личности.*

Анализ психических функций в наших работах [17; 18], показывает, что в качестве операционных приемов выступают общие мыслительные операции анализа, синтеза, обобщения, сравнения, абстракции. Мышление включено в процесс реализации психических функций восприятия, памяти и др.

В свою очередь, эти другие психические функции выступают в роли операционных механизмов мышления, при этом в *мышлении отдельные познавательные функции интегрируются, проявляются системно в режиме взаимодействия*. Таким образом, формирование и развитие психических функций одновременно выступают как процесс интеграции *интеллекта*.

Структура любой познавательной функции включает в себя, кроме собственных операционных и функциональных механизмов, и другие психические функции, которые выступают в роли операционных механизмов. Данное представление о структуре психических функций отражено на рисунке.

В каждом конкретном случае общие мыслительные операции (анализ, синтез, обобщение и др.) преобразуются в конкретные операционные механизмы.

Структура психических функций (на примере восприятия, памяти и мышления)

Нейропсихологический анализ психических функций, в частности восприятия, проведенный А. Р. Лурией, показывает, что в проекционных зонах коры больших полушарий выделяются три уровня: первичный, проекционный уровень, над которым располагаются аппараты вторичных или гностических зон коры, и над ними третичные функциональные зоны, выполняющие синтетическую функцию (см.: [10. С. 98]). Для нас важно подчеркнуть, что вторичные зоны работают в качестве аппаратов, организующих те зрительные возбуждения, которые поступают из первичных полей, а в третичных зонах интегрируются и организуются возбуждения от различных анализаторов. «Деятельность третичных зон задних отделов коры необходима не только для успешного синтеза наглядной информации, но и для перехода от уровня непосредственного наглядного синтеза к уровню символических процессов, для оперирования со значениями слов, сложными грамматическими и логическими структурами, с системами чисел и отвлеченными соотношениями. Другими словами, *третичные зоны задних отделов коры являются аппаратами, участие которых необходимо для превращения наглядного восприятия в отвлеченное мышление, опосредованное всегда внутренними схемами, и для сохранения в памяти организованного опыта*» [Там же. С. 103—104].

Обращение к психическим функциям позволяет ввести в контекст рассматриваемых проблем *способности*, т. к. ранее [18] нами было показано, что способности можно рассматривать как свойства функциональных систем, реализующих конкретную психическую функцию.

Таким образом, *механизм психических функций, осуществляющий связь отдельных свойств вещи с вещью в целом, и есть механизм порождения мысли, и, следовательно, способность есть характеристика этого механизма в отношении продуктивности порождения мыслей*. Таким образом, открывается путь к диагностике способностей через продуктивность порождения мыслей.

Рассмотрев механизм интеграции образа вещи и мыслей о свойствах этой вещи, мы фактически подошли к проблеме *осмысления* образа. Осмысление образа — это и есть наполнение образа мыслями, отражающими качества вещи, представленной в образе. Осмысление образа проходит в поведении и деятель-

ности и носит функциональный характер, т. е. в образе обнаруживаются (если обнаруживаются) свойства-мысли, которые важны для актуальных форм поведения, а также для решения задач, которые встают в этом поведении¹.

Сказанное выше позволяет поставить вопрос о структуре мысли. Предварительно еще раз отметим, что наряду с нейрофизиологическими механизмами мысли, позволяющими выделить отдельные признаки-мысли и объединить их, установить связи между образом и мыслями и между отдельными мыслями, сам процесс построения образа осуществляется субъектом восприятия. В силу этого субъективное восприятие включается в поток жизни, связывается с мотивацией и переживаниями субъекта. В силу сказанного и *мысль, отражая содержание (качества) объекта, включает в себя потребности и переживания человека. Мысль представляет собой потребностно-эмоционально-содержательную субстанцию*. Образ как целостное сочетание мыслей-субстанций, в свою очередь, будет выступать как *образ-субстанция*. В силу своего субстанционального характера существования образ будет выступать как устойчивая совокупность мыслей, как пребывающая во времени сущность и ее *проявления*, как сущее, причина которого в нем самом. Образ-субстанция будет устойчивым во времени и одновременно изменчивым. Он может пользоваться новыми мыслями или терять некоторые из них, при этом оставаясь самим собой. *Образ-субстанция и составляет содержание ума*. Включенный в деятельность образ-субстанция развивается в деятельности и проходит процесс интеллектуализации.

Определив мысль как связь свойства вещи с образом вещи, мы, как следствие, можем прийти к заключению, что *свойство вещи* может стать связующим звеном с другими вещами, т. е. через свойство вещей устанавливается связь между ними. Другими словами, через свойства вещей, включенных в образы этих вещей, осуществляется связь между образами. Эта связь и лежит в основе *суждения*. *В суждении проявляется мышление, основой которого является мысль*. Иными словами, *мышление, с одной стороны, есть процесс порождения мыслей и, с другой стороны, мышление протекает в мыслях*. Традиционно выделяют три вида мышления: наглядно-действенное, наглядно-образное и словесно-логическое.

Основными признаками *наглядно-действенного мышления* являются, во-первых, неразрывная связь с восприятием, оперирование только непосредственно воспринимаемыми вещами и их связями, которые даны в восприятии; во-вторых, неразрывная связь с прямым манипулированием вещами [15], принципиальная невозможность реализовать поставленную задачу без участия практических действий [12]. Наглядно-действенное мышление направлено прежде всего на выявление свойств предметов и явлений, наиболее близко лежащих «к поверхности», но скрытых от непосредственного восприятия.

Наглядно-образное мышление характеризуется тем, что мыслительная деятельность осуществляется на образном материале. Наиболее значительную роль в образном мышлении играют зрительные, слуховые и двигательные образы. «Визуальное» мышление — это мышление зрительными образами, в процессе которого «оцениваются и определяются различные взаимоотношения между вступившими в противоречие элементами и их комплексами, рассматриваются возможные направления развития ситуации. Результатом этой работы может быть порождение новых образов, новых визуальных форм, несущих определенную смысловую нагрузку и делающих знание

¹ См.: Шадриков В. Д. Мысль как предмет психологического исследования [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://psy.hse.ru/news/82063774.html>

структурным и видимым. Эти образы отличаются автономностью и свободой по отношению к объектам восприятия» [2. С. 6—32; 7. С. 12].

Важной особенностью образного мышления является оперирование образами, возникающими при опоре на различные сенсорные системы. К сожалению, эти вопросы в психологии изучены еще недостаточно. Как один из видов образного мышления можно выделить пространственное мышление как вид мыслительной деятельности, обеспечивающий создание пространственных образов и оперирование ими в процессе решения различных задач. Следует отметить, что выявление пространственных свойств и отношений возможно только в ходе преобразующей деятельности.

Как мы видим, оба вида мышления имеют дело с непосредственным восприятием, осуществляются на образном материале, на чувственных данных.

Но как было показано выше, образы представляют собой субстанциональные образования мыслей. Следовательно оба вида мышления есть оперирование мыслями в единстве содержательных, мотивационных и эмоциональных компонентов. Благодаря сложной субстанциональной характеристике образа в процессе мышления и становится возможным, с одной стороны, удерживать образы в их устойчивых характеристиках, а с другой — устанавливать новые связи и отношения между мыслями, относимыми к разным образам при неизменной функциональной направленности мыслительного процесса.

Таким образом, через понятие мысли мы подошли к понятию, что такое «ум». В Философском энциклопедическом словаре [16] ум определяется как «характеристика способности мышления и понимания». Отмечается также, что в истории философии ум то же, что и разум, дух, в древнегреческой философии — нус (латинский интеллект). Такое определение ума отсылает нас к способности мышления. Но что такое способность мышления? В нашем понимании способность мышления и есть порождение мысли. Мышление есть процесс порождения мысли. И эта способность мышления и будет характеризовать ум. Онтологическая сторона этой способности рассмотрена нами выше. В общем виде механизм способностей рассмотрен в нашей монографии «Ментальное развитие человека» [18]. Человек мыслит мыслями, порождая их, заимствуя из опыта, обобщая в контексте решаемых задач, раскрывая существенные связи и отношения предметов и явлений. *На путях предметно-образного мышления человек достиг многого в познании природы.*

Это относится уже к доисторическому времени. Как отмечает К. Леви-Строс, именно в неолите, за несколько тысяч лет до формирования современной науки, «человек утверждает господство великих искусств цивилизации: гончарства, ткачества, земледелия и domestikации животных... Каждая из техник предполагает столетия активного и методического наблюдения, проверки смелых гипотез, отвергаемых либо доказываемых посредством неустанно повторяемых опытов... Чтобы преобразовать сорняк в культурное растение, дикого зверя в домашнее животное, выявить в том или другом пищевые или технологические качества, которые первоначально полностью отсутствуют или, возможно, о них едва подозревали; чтобы сделать из нестойкой глины, склонной к разрыхлению, распылению или растрескиванию, прочную и герметичную посуду (предварительно найдя среди множества органических и неорганических материалов тот, что наиболее пригоден для обезжиривания, а также подходящее топливо, температуру и время обжига, степень продуктивного окисления); чтобы разработать техники, часто длительные и сложные, позволяющие превращать ядовитые зерна или корни в съедобные, а также использовать их токсичность для охоты, военных целей,

¹ См. подробнее: <http://www.cyclopedia.ru/100/211/2686900.html>

для ритуала, потребовалась, несомненно, поистине *научная установка ума, усердия и всегда бдительная любознательность, аппетит к познанию ради удовольствия познавать*, поскольку лишь малая доля наблюдений и опытов (которые, как можно предположить, вдохновлялись с самого начала и главным образом вкусом и знаниями) приносила практические результаты. И мы еще оставляем в стороне металлургию бронзы и железа, драгоценных металлов и даже простую обработку природной меди путемковки, появившуюся на несколько тысяч лет ранее металлургии, а ведь все это уже требует продвинутой технической компетентности» [9. С. 124—125]. В данном восхитительном отрывке в концентрированной форме показаны достижения человека неолита или протоистории, достижения первобытного мышления. Неолитический парадокс, как оказалось, заключается в следующей проблеме — после столь бурного прогресса в сфере познания природы и технологий человечество остановилось в своем развитии на несколько тысячелетий до формирования современной науки с ее достижениями. Анализируя неолитический своего рода взрыв, Леви-Строс делает заключение, что отмеченный парадокс «допускает только одно решение: существуют два различных способа научного мышления, являющиеся функциями (конечно, не равных стадий развития человеческого разума) двух разных стратегических уровней, на которых природа подвергается атаке со стороны научного познания» [Там же. С. 124]. Один путь основывается на восприятии и воображении, он весьма близок к чувственной интуиции, другой основывается на абстрагировании от чувственного восприятия, в силу этого он более *свободен, расторможен*, что позволяет раскрывать более отдаленные связи и отношения. Следует также подчеркнуть вывод Леви-Строса о том, что оба способа научного мышления (первобытного, мифологического и современного) различаются *«не по роду ментальных операций, которыми оба они располагают и которые отличны не столько по своему характеру, сколько по типу явлений, к которым они прилагаются»* [Там же].

Первобытное мышление в большей мере направлено на практическое знание и технологию, но в процессе познания оно использует *те же мыслительные операции*: анализ и синтез, систематизацию и классификацию. Оно направлено на выявление, прежде всего, чувственных качеств, позволяющих определить ценность вещи. В своем стремлении познать первобытное мышление конструирует определенные *абстрактные* схемы познания, постулирующие связь между воспринимаемыми и скрытыми качествами, свои способы наблюдения и рефлексии, которые часто в кодированной форме фиксировались в мифах и ритуалах. *Первобытное мышление создало науку конкретного*. В операциях мышления стал использоваться *знак*. И хотя *знак* в первобытном мышлении носил такой же конкретный характер, что и образ, но по своей референциальной особенности он уже был *подобен понятию*. Как и понятие, знак замещает другую вещь, адресуется к элементам первобытной культуры, способам человеческой деятельности. Мифологическое (первобытное) мышление можно назвать обобщающим, оно действует посредством аналогий и сопоставлений.

Характерной особенностью первобытного мышления является то, что качества, которыми оно оперирует, непосредственно входят в *переживаемый* субъектом опыт, а следовательно, они всегда лично значимы. Таким образом, в *первобытном мышлении фактически снимается проблема мотивации познавательной деятельности*.

В заключение отметим, что мышление ребенка конкретно, как и мышление первобытного человека, оно базируется на чувственном опыте и чувственной интуиции. Не должно быть разрыва между чувственным познанием и рациональным познанием. И переходным мостом здесь должны быть *методы мышле-*

ния. Как мы уже отмечали, они общие у чувственного и рационального мышления, но имеют свой предмет. А для этого очень важно показать трансформацию самого предмета познания из чувственного в абстрактный, рациональный.

Мысль и слово. Связи мышления и речи посвящено значительное количество исследований. А. Н. Соколов отмечает, что «мысль и язык связываются в единый и неразрывный комплекс, действующий как речевой механизм мышления» [14. С. 3]. При этом в трактовке речи и мышления существуют две основные точки зрения. Первая отстаивает позицию, что «мышление и речь тождественны (мышление есть беззвучная речь, “речь минус звук”», вторая утверждает, что «мышление и речь лишь внешне связаны друг с другом (речь есть наружная оболочка мышления, средство выражения готовых мыслей, возникающих вне формы слов и чувственных образов)» [Там же. С. 3—4]. Данная проблема достаточно подробно анализируется А. Н. Соколовым. Отметим, что проблема отношений мышления и речи анализируется вне отношения мышления и мысли. Основная проблема заключается в вопросах: что такое мышление и что такое язык (речь) — это одно и то же или разное? Возможно ли мышление без речи и речь без мышления? Какова роль речи в процессах мышления?

А. Н. Соколов отмечает, что у философов активность мысли всегда связана со словом. Аристотель объединяет мысль и слово в единое целое, но при этом не отождествляет их ни друг с другом, ни с предметами мысли. Источником мыслей у Аристотеля являются чувственные восприятия вещей. Т. Гоббс (1588—1679) считал, что мыслящая вещь есть нечто материальное, рассматривал образ как «фантазм», создаваемый разумом, считал слова «метками» для запоминания мыслей.

Джон Локк считал, что наш умственный опыт основывается на ощущениях и восприятиях. Локк включал в мышление ощущение, восприятие, память, воображение, понятие. Он считал возможным возникновение мыслей без языка. Лейбниц полагал, что язык нужен человеку для рассуждения с самим собой, язык (слово) закрепляет мысли, слово служит для сообщения мыслей другим. Гумбольдт утверждал, что никакая мысль не может существовать без языка. Мыслить — значит говорить с самим собой. Интересна мысль Гегеля об отношении мышления и ощущения. «Когда мы схватываем чувственное многообразие, мы еще не мыслим; только связывание (*das Beziehen*) его есть мышление» [5. С. 96]. Важно отметить, что Гегель подчеркивал, что мышление есть *связь* (связывание). Следует отметить также взгляды на мысль и мышление Фридриха Макса Мюллера (1823—1900). Под мыслью Мюллер понимал акт мышления, а под мышлением — мысленное комбинирование мыслей. В каждой мысли, отмечал он, присутствуют ощущения, представления, понятия и названия. В работе «Наука о языке» он отмечал, что в основе слова лежит качество или качества, которые человек выделяет в вещи и которые наиболее важны для него. Интересные взгляды на отношение мысли и слова содержатся в работе А. А. Потебни [13]. Указывая на органическое единство мысли и слова, он отмечал одновременно их различие. Элементарные мысли (чувства), считал Потебня, возможны без слов. Эту последовательность в изложении отношений слова и мысли можно было бы продолжать и далее, но, обобщая уже отмеченные работы, следует отметить, что в них нет поводов к тому, что считать за мысль, какова структура указанных феноменов, как соотносятся мысль и мышление. Это не позволяет дать обоснованное толкование отношений мысли и слова.

Попробуем дать ответ на поставленный вопрос с позиции нашего понимания *мышления как процесса порождения* мыслей и работы с мыслями при решении задач (практических и теоретических). Ребенок овладевает речью

приблизительно к 2 годам. Но образ матери у него формируется в первые месяцы. При виде матери он улыбается, протягивает руки, бежит к ней, выражает свое отношение к ней. Он не знает слово «мама», но он знает ее как человека, который удовлетворяет все его потребности. Мать с позиции ребенка выражает (несет собой) качества, которые для него жизненно важны. С матерью связываются мысли, насыщенные глубокими переживаниями. И только позднее ребенок усвоит, что мать «называется» мама. Он узнает слово, которое связано со всем комплексом мыслей о матери. *Слово выступает как знак, наполненный определенными мыслями.* Но в столь яркой форме эта связь мысли и слова проявляется и в других случаях чувственного познания. Вначале субстанция мыслей о вещи, затем название вещи-слова. В дальнейшем, при восприятии знакомого слова у человека воспроизводится из памяти симптомокомплекс мыслей, который в прошлом связывался с этим словом. *С раскрытием содержания слова связана проблема понимания как в образовании, так и в жизни.* Типичным примером является ситуация сегодняшнего дня. По всем каналам СМИ мы слышим англоязычные слова, относящиеся к определенной области знаний и практикам, чаще всего к экономике. Значительная часть населения этих слов-терминов не знает и сообщений не понимает. В обучении для того чтобы достичь понимания, необходимо, чтобы у обучающегося было сформировано понимание слов, используемых педагогом, причем в том же смысле, что их использует педагог (или автор учебника).

Итак, проведенный анализ позволил раскрыть связь, существующую между мыслью, образом и словом, роль психических функций в порождении мыслей, установить активную роль наблюдателя в формировании мыслей, а также выявить структуру мысли и образа и, наконец, показать то, что процесс мышления есть процесс порождения мыслей и использования их при решении задач, стоящих перед субъектом. Вышесказанное позволило выстроить реальную картину сложных взаимосвязей и взаимодействия рассмотренных феноменов.

В результате реально раскрывается содержательная характеристика ума, главный смысл которой заключается в *способности* порождать мысли, что открывает новые пути диагностики ума и интеллекта как важного основания познания человеком мира и себя и формирования знаний как условия его существования и осуществления.

The relation between the thought, image and word is addressed to discussion. The role of psychic functions in thought generation and the structure of thought and image are revealed. It is found that the thinking is the process of thoughts' generation and their usage in task-solving. In keeping with this premise the mind is characterized by the ability of thought generation. Thus, the new ways in mind and intelligence diagnostics would be prospectively defined.

Keywords: psychic function, thought, image, substance, thinking, mind, word.

Литература

1. *Ананьев, Б. Г.* О проблемах современного человековедения / Б. Г. Ананьев. — М.: Наука, 1977.
Anan'ev, B. G. O problemah sovremennogo chelovekovedenija / B. G. Anan'ev. — M.: Nauka, 1977.
2. *Арнхейм, Р.* Визуальное мышление / Р. Арнхейм // Зрительные образы: феноменология и эксперимент: сб. пер. — Душанбе, 1973. — Ч. 3.
Arnhejm, R. Vizual'noe myshlenie / R. Arnhejm // Zritel'nye obrazy: fenomenologija i jeksperiment: sb. per. — Dushanbe, 1973. — Ch. 3.
3. *Барабанщиков, В. А.* Восприятие и событие / В. А. Барабанщиков. — СПб.: Аллетейя, 2002.
Barabanshhikov, V. A. Vosprijatie i sobytie / V. A. Barabanshhikov. — SPb.: Alletejja, 2002.
4. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. — М.: Олма-Пресс, 2003.
Bol'shoj psihologicheskij slovar' / pod red. B. G. Meshherjakova, V. P. Zinchenko. — M.: Olma-Press, 2003.